

Матлин М. Г. Система мотивов в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья о голоде 1941—1945 гг. / М. Г. Матлин // Научный диалог. — 2017. — № 9. — С. 42—54. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-42-54.

Matlin, M. G. (2017). Motif System in Oral Narratives of Rural Population about Starvation in Ulyanovsk Volga Region in 1941—1945. *Nauchnyy dialog*, 9: 42-54. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-42-54. (In Russ.).



УДК 811.161.1'282.2(470.42)+398.2:94(47).084.8

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-42-54

Система мотивов в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья о голоде 1941—1945 гг.¹

© Матлин Михаил Гершенович (2017), orcid.org/0000-0003-0748-1081, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы и патентно-лицензионного обеспечения, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия), matlin@mail.ru.

Анализируются нарративы о голоде в тылу во время Великой Отечественной войны на территории Ульяновского Поволжья. Показано, что они функционировали преимущественно в семейной сфере и служили средством передачи не только жизненного опыта, но и семейного «символического капитала». В результате анализа 43 устных рассказов установлено, что они включают в себя ряд повторяющихся и устойчивых мотивов, обладающих разной частотностью. Отмечается и различная степень разработки мотивов в нарративе. Выделены характерные для таких текстов сентенции по поводу голода, которые выражают отношение рассказчика к событиям или связывают пережитое прошлое с временем рассказывания. В качестве примера мотивной организации дан анализ устного рассказа, в котором наиболее полно представлены как сами мотивы, так и некоторые типы связей между ними (тематический, ассоциативный). Показано, что в некоторых нарративах отдельные из указанных мотивов сочетаются с упоминаниями о различных бытовых деталях, описаниями переживаний героев. Делается вывод о том, что нарративы о Великой Отечественной войне могут образовывать законченные сюжеты, которые представляют собой отдельные рассказы или являются сюжетно-композиционными элементами сложного повествования.

Ключевые слова: устный рассказ; нарратив; мотив; Ульяновское Поволжье; голод; Великая Отечественная война.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-14-73003 а(р).

1. Введение

Особое внимание фольклористов, историков, а в последнее время и социологов занимает сбор и анализ устных нарративов биографического типа о событиях Великой Отечественной войны. Важность изучения таких нарративов обусловлена тем, что «личный опыт долгое время был не востребован официальной политикой памяти, поэтому он был замещен высокопатриотическими размышлениями о славе и мужестве советского воина» [Рыков, 2010, с. 94]. Но если все же фиксация и изучение устных рассказов о жизни и смерти на фронте начались сразу после окончания Великой Отечественной войны и так или иначе ведутся вплоть до сегодняшнего дня [Баранова, 2005; Войны ..., 1979; Гончарова, 1972, 1986, 2005; Домановский, 1964; Комовская, 1966; Минц, 1964; Моя война..., 2015; Пушкарев, 2014; Разумова, 2005; Теклева, 2015; Фурсина, 2016; Щеглова, 2011], то устные рассказы о жизни в тылу во многом и сейчас остаются вне поля зрения [Чередникова, 2015; Спустя полвека ..., 1994]. Немногочисленны записи и исследования устных рассказов от тех, чье детство пришлось на время войны [Воеводина, 2010; Вторая мировая война ..., 2010; Дети войны; Детство ..., 2007; Мое военное детство ..., 2011; Чередникова, 2015; Юсупова, 2004].

Но ведь, как справедливо писала Т. К. Щеглова, «актуальным является изучение войны через жизнь тылового населения: женщин, подростков, детей военного времени. Их судьба является важнейшей частью истории войны, без нее нельзя считать военную историю полной и завершенной» [Щеглова, 2011, с. 231].

Ею же намечены узловые темы таких исследований: «о питании и способах лечения детей в экстремальных условиях, о способах адаптации к условиям военного времени и выживания, о ролевой переориентации женщины в производственной и общественной жизни тыловой деревни» [Щеглова, 2011, с. 232], а также такие сюжеты, как «получение сроков за невыполнение трудовой или, например, судимость на основе указа о колосках, наказания за опоздания на принудительные работы, за спекуляцию, за кражу зерна на току для голодных детей и т. д.» [Там же].

2. Некоторые особенности прагматики устных нарративов о голоде

Характеризуя своеобразие прагматики устных нарративов о голоде, под которой мы будем понимать их способность выступать в роли «символического регулятора социальных связей и обусловленных ими поведенческих тактик» [Богданов, 2001, с. 53], прежде всего отметим, что сведения об этом очень скудные. Дело в том, что в отличие от устных рассказов

ветеранов-фронтовиков, с которыми они начиная с 70-х годов XX века стали регулярно выступать перед детьми и молодежью, нарративы о голоде оказались не востребованы обществом, да и в семье женщины как основные хранители этих рассказов не очень охотно говорили об этом со своими детьми. Поэтому их вполне можно отнести к тому «потаенному знанию семьи», о котором писала в свое время И. А. Разумова: «Негативные личные и семейные ассоциации с известным событием препятствуют его воскрешению в памяти и вербализации. Во многих семьях существует запрет на военные воспоминания, выполняющий “защитную” функцию по отношению к старшим» [Разумова, 2001, с. 306].

Тем не менее устные рассказы о голоде функционировали преимущественно в семейной сфере и служили средством передачи не только жизненного опыта, но и семейного «символического капитала» [Мартиросян, 2014, с. 36] одного поколения другому: матери, отца — дочери, сыну; бабушки — внукам.

При рассказывании вне круга семьи, например, историкам, фольклористам, этнографам, социологам и др. в том случае, если таковыми являются представители младшего поколения, информанты считали главной целью своих рассказов передачу такого экстремального жизненного опыта, который должен, с одной стороны, помочь молодежи понять условия жизни предшествующих поколений, а с другой, по-новому с учетом этого опыта взглянуть на их сегодняшнюю жизнь. Эта коммуникативная цель и определяла появление различного рода сентенций в процессе рассказывания, которые также можно отнести к важным конструктивным элементам нарратива. Например:

— *А вот в старые времена, когда еще молодыми были или, может быть, когда детьми были, Рождество как-нибудь справляли?*

— *Когда уж молодые и вспоминать не надо. Каки мы были молодые-то?! Мне вот было 6 лет, ходили это... ни картошки, ни хлеба — ничё не было. Ходили по этим, по усадям вот весной. Усады, значит, растут, там гнилую картошку собирали. Пойдешь, в подол этой гнилой картошки наберешь. Покойна мать там натолкёт этой картошки — лепёшки стряпнат. **Вот мы как жили! Такое время было** (2016; с. Годяйкино Базарносызганского района Ульяновской области; А. К. Тумайкина, 1935 г. р.; записала Н. П. Арина);*

Хлеба давали 200 гр., одной картошкой и жили. А семья большая, попробуй всех прокорми. Это не то, что сейчас, сейчас жаловаться нечего. Да ведь есть, милая, какие сейчас: двоих детей наживут и уже кричат, что кормить нечем. Нет, милая, они тогда бы пожить попробовали

(1990; г. Инза Ульяновской области; М. С. Рахманько, 1920 г. р., записала Е. И. Саранцева).

3. Система базовых мотивов устных нарративов о голоде

Как показал анализ 43 устных рассказов о голоде в годы Великой Отечественной войны, записанных на территории Ульяновского Поволжья от людей разных поколений в разных населенных пунктах, они включают в себя ряд повторяющихся и устойчивых мотивов, которые представляют собой «стереотипные исторически сложившиеся содержательные единицы», обладающие «конструктивными сюжетообразующими свойствами, обеспечивающими логику повествовательного движения» [Путилов, 1993, с. 156].

Об этой же особенности «семейных» сюжетов писала И. А. Разумова, отмечая, что они «содержат устойчивые (отмеченные в нескольких вариантах) мотивы, сюжетообразующие и факультативные <...>, а для каждого конкретного (локального) события имеются наиболее характерные (хотя и не обязательно эксклюзивные) мотивы» [Разумова, 2001, с. 308, 310].

Среди основных мотивов в устных нарративах о голоде можно выделить следующие: голод как доминанта жизни во время войны; истощение и опухание от голода; смерть от голода; еда, заменившая привычную пищу; корова-кормилица; тяготы материнства; тяжелый труд; непосильные налоги; добывание продуктов (обмен, продажа, отработка); нищенствование; воровство зерна; уголовное наказание за воровство зерна.

Указанные мотивы обладают разной частотностью: одни, как например, мотивы еды, заменившей привычную пищу; коровы-кормилицы; непосильных налогов встречаются в подавляющем большинстве рассказов, а мотивы нищенствования, воровства зерна и уголовного наказания за воровство зерна достаточно редки. Различна и степень разработки мотивов в нарративе.

Отдельно необходимо отметить сентенции по поводу голода, которые выражают отношение рассказчика к событиям или связывают пережитое прошлое с временем рассказывания и часто адресуются собеседнику или интервьюеру (фольклористу, этнологу, историку и т. п.). Некоторые примеры таких сентенций приведены выше.

4. Вариант мотивной организации устного нарратива

Приведем в качестве примера мотивной организации устный рассказ, сюжет которого создается при помощи некоторых из указанных мотивов.

Данный нарратив выбран потому, что в нем наиболее полно представлены как сами мотивы, некоторые типы связей между ними (тематический, ассоциативный), так и особенности развертывания отдельных микротем в самостоятельные сюжетно-композиционные эпизоды.

В целях более четкого восприятия мотивной структуры нарратива, который представляет собой целостный и законченный рассказ информанта, мы выделили в нем отдельные фрагменты и указали мотивы, развертывающиеся в каждом из них.

Голод + Сентенция

Ой, дочка, да как вздумать, как голодовали, невозможно вздумать.

Защити, Господи — это придёт. Защити, сохрани. Одно страдание.

Еда, заменившая обычную пищу + Опухание от голода

Ели липовы лепёшки, в крылец не влезли. В крылец влезть — это уж была казнь. Велика, силы нет.

Еда, заменившая обычную пищу + Сентенция

Мы вот с одной подружкой пошли на гору сюды за ягодами, за земляничкой. Нарвали и больше не можем, в подол нарвали, в запоне, и легли на просеку — больше не можем. Говорю Верушке: «Верушка, умрём мы тут». Она говорит: «Давай съедим эти ягоды-те». А у нас в подоле липова лепёшка была. И она рассыпалась, Господи, нехорошо сказать, как коровы говно. И мы её с ягодами её, крошки-те съели. Встали и подвигались домой. Вот-те наелись. Вот как мы ели, чаво видели и как страдали.

Корова-кормилица + Еда, заменившая обычную пищу

Вот кабы коровы-те не было, мы бы погибли. Всё-таки коровка — молочко. Бывало, мама-то в какой-нибудь затирушке слипывает мукой, а всё-таки похлебаешь — глядишь... И не отекали. Нет, нет, не отекали.

Опухание от голода

А кои, глядим: батюшки, это вроде эта, а её не узнаешь — она отекала без молочка-то. А мы с молочком-то.

Вставной микронарратив «Добывание соли»

Соли-те не было, сорок копеек стакан её здесь продавали. Мы ходили в Ульяновский, на себе, на санках. Вот. Пешком, на санках. Шурганы, бурганы — прём. А я говорю, сейчас бы голову оторвали, а деньги-те у нас были. Сколь? Шестьсот что ли, тысячу мы платили за пуд, за пуд-то. Идём, не боимся, через Волгу передем. Во двор нас заведут нас какие-то татары, собаки. Вот сейчас и уговариваюсь вот с кем ходили: «Да, девчонки! И ходили не боялись, куды нас заведут в ущелье...» Кабы сейчас. Сейчас, мол, голову оторвали нам там. И мы ходили. Ну, и перенесём через

Волгу, перееедем. Крылец тут какой-нибудь влезем, опять на санки уклады-вам, и пошёл. По три дни — по неделе ходили из Ульяновского.

Непосильные налоги + Сентенция

Микронарратив «Сборщик налогов отнял чужую шерсть»

А налоги уж невыносимы. Невыносимо, доченька! Вот наложили... у нас овчина была. Наложили на нас-то... Ну, уплотили мы его — у нас больше нет. А вот вальдиватский, он, наверное, жив сейчас, вот Г. В-ки отец. Он, наверно, кривой ходит там. Да. А вот сестра у нас жила, у ней муж-от ушёл на фронт, а она с девчонкой здесь же жила, у нас с мамой. Ну, она купила шаль вязать, купила шерсти. А мама сидит, прядёт. Он пришёл — у ней эту связку оторвал да унёс. Плачем все. Она купила нам, не врём, ни в чем, а он всё-таки унёс, унёс.

Вот как жили.

А налоги невыносимы. И молока накладывали и по тысячу налогу. Да, ба... Всё было, доченька, всё было, да. Всяки страхи. Где взять — некуда.

Добывание продуктов + Сентенция

А на санках поедem в лес. А вот эта сестра-то, в лес поедem — в посёлки повезём продавать, дрова-то. А там, вишь, моркошкой занимались, а мы-то не сеяли ещё. Нам дадут полведёрка морковки за санки-те. А у нас искры-те жёлты сыпались (из глаз), да в лаптях же, да почти разувкой. Они худые, а нагнуть-то нечево. Повезём туды-то полведёрка морковки. Какой-нибудь этой морковинкой в чаво-нибудь с картошкой.

Ой, девчонки, невозможно даже вспомнать.

Да, привезём из Посёлков, наворныхат там мама — поедem. На другой день встаём опять. Ну, у самих-то холодища в избе, а мы едем продавать — мы есть хотим, да.

Вот с мамой вот тут в коммуну ходили мы, жать. Коммуна-то была у нас вот на большой дороге.

Смерть от голода

Умерла женщина-то вот, Акулина Яковлевна, Надюшки Бородиной мать, ну, чаво? Нюрка не знай, хоронить идти, не знай, сами-то умрём или жать идти. «Айда, — говорит, — поглядим и пойдём жать». «Ну, ладно, айда, мама, взглянем, а то сами-то, — говорю, — умрём!»

Добывание продуктов + Еда, заменившая обычную пищу

И пойдём жать в коммуну. Пошли жать в коммуну — вечером принесли шесть килограммов муки с ней. Она говорит: «Ох, Нюрка, мы теперь купцы с тобой». Да. Мы две недели эти шесть килограмм ели, ели вмес-

те с липой ели. Вот. Так и ходили каждый день, жали там. Нам мукой уж прямо давали, мукой.

Тяжелый труд

Пахали на себе, на себе пахали вот. Нынче — этой, завтра — этой, да, помогали, конечно.

Смерть от голода + Сентенция

Нясут человека, — и вроде разума нет, мы сами-те были эдаки, мы не доходили, и нечем помочь. Ну, правда, отвезёшь кто на чём. Так отвезут безо всякого. Ведь сейчас похороны вон какие! А это отнясут, заруют, да и всё. Да и заруют. Ни помину, ничаво не было. Чем помогать-то, мы все эдаки были. Ой, доченька, невозможно вздумать! (1987; с. Потьма Карсунского района Ульяновской области; А. И. Грачева, 1920 г. р.; записала И. Егорова, О. Купчик).

5. Сюжетопорождающие возможности базовых мотивов устных нарративов о голоде

В некоторых нарративах отдельные из указанных мотивов, сочетаясь с упоминаниями о различных бытовых деталях, описаниями переживаний героев, могут образовывать отдельные, законченные сюжеты. Такие рассказы чаще всего встречаются в нарративах «детей войны», так как детская память прочнее сохраняет такие стрессовые сценки и события, которые связаны с самими близкими людьми, особенно с матерью, как в приведенном ниже случае.

Корова-кормилица

Тяжёлое было время, хорошего о нём мало чего вспомнишь. Да и была я в то время маленькая совсем. Но дети тогда не были детьми. Мама говорила, что мы были похожи на маленьких стариков. Первые годы войны мы жили сносно: сначала были продукты, потом мама ходила, меняла наши вещички на еду. Много километров прошли ее ноги. И была у нас корова. Но пришел страшный год. Все из дома уже было вынесено, да и менять было уже не у кого. И в один ужасный день случилось самое страшное — пришел человек и принес мешок мёрзлой картошки и мешок пшеницы. Как обрадовались мы — дети. Но мама, наша мама, которая уже двоих детей вырастила и не слезинки не проронила за годы войны, она плакала. Слезы беззвучно текли по её лицу, тогда как она пыталась улыбаться и подбодрить нас. Оказалось, что тот человек пришёл за нашей Бурёнкой (1993; г. Барыш Ульяновская область; Т. П. Выборнова, 1937 г. р.; записала А. А. Выборнова).

Мотив корова-кормилица — один из устойчивых и базовых в устных рассказах о голоде. Однако в большинстве из них он лишь элемент сюжета, и его функция — способствовать развертыванию главной темы

рассказа — темы голода. В данном же нарративе, который может быть назван минирассказом или новеллой, есть событие, герой (*мать*), четкая композиция, стилевое единство повествования. Такие сюжеты могут быть как отдельными рассказами (как в данном случае), так и сюжетно-композиционными элементами сложного повествования.

6. Выводы

В данном исследовании отмечено, что в последние десятилетия особое внимание фольклористов, историков, социологов занимает сбор и анализ устных нарративов биографического типа о событиях Великой Отечественной войны, в том числе о голоде в тылу, в сельской местности. В качестве примера для анализа данной тематической группы выбраны нарративы, записанные на территории Ульяновской области в 1980—2010 годах.

Показано, что они функционировали преимущественно в семейной сфере и служили средством передачи не только жизненного опыта, но и семейного «символического капитала».

В результате анализа 43-х устных рассказов о голоде в годы Великой Отечественной войны, записанных по воспоминаниям людей разных поколений в разных населенных пунктах, установлено, что они включают в себя ряд повторяющихся и устойчивых мотивов, обладающих различной частотностью: одни встречаются в подавляющем большинстве рассказов, другие достаточно редки. Неодинакова и степень разработки мотивов в нарративе. Отдельно можно выделить сентенции по поводу голода, которые выражают отношение рассказчика к событиям или связывают пережитое прошлое с временем рассказывания.

В качестве примера мотивной организации дан анализ устного рассказа, в котором наиболее полно представлены как сами мотивы, так и некоторые типы связей между ними (тематический, ассоциативный).

Показано также, что в ряде нарративов некоторые из указанных мотивов, сочетаясь с другими элементами повествования, могут образовывать отдельные и законченные сюжеты, в которых наличествуют событие, герой, четкая композиция, стилевое единство повествования. Такие компоненты могут быть не только сюжетно-композиционными элементами сложного повествования, но и отдельными рассказами.

Литература

1. Баранова В. В. Устные воспоминания крестьян о войне / В. В. Баранова // Фольклор Великой Отечественной войны : сборник научных трудов / под ред. О. Е. Лебедевой и М. В. Строганова. — Тверь : Золотая буква, 2005. — С. 78—97.

2. *Богданов К. А.* Повседневность и мифология : исследования по семиотике фольклорной действительности / К. А. Богданов. — Санкт-Петербург : Искусство, 2001. — 438 с.

3. *Воеводина Ю. С.* Память детей Алтайского края о Великой Отечественной войне по устным источникам / Ю. С. Воеводина // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». — Краснодар : Традиция, 2010. — С. 77—92.

4. *Войны кровавые цветы* : устные рассказы о Великой Отечественной войне / сост. А. В. Гончарова. — Москва : Современник, 1979. — 286 с.

5. *Вторая мировая война в детских «рамках памяти»* : сборник научных статей / под ред. А. Ю. Рожкова. — Краснодар : Экоинвест, 2010. — 380 с.

6. *Гончарова А. В.* Жанровые особенности устных мемуарных рассказов о Великой Отечественной войне / А. В. Гончарова // Русская литература. — 1986. — № 1. — С. 124—137.

7. *Гончарова А. В.* О жанровой специфике устных мемуарных рассказов Великой Отечественной войны / А. В. Гончарова // Фольклор Великой Отечественной войны : сборник научных трудов / под ред. О. Е. Лебедевой и М. В. Строганова. — Тверь : Золотая буква, 2005. — С. 78—81.

8. *Гончарова А. В.* Устные рассказы Великой Отечественной войны / А. В. Гончарова // Русская народная проза / Русский фольклор : материалы и исследования / ред. С. Н. Азбелев. — Ленинград : Наука, 1972. — С. 122—138.

9. *Дети войны.* Народная книга памяти / под ред. В. Шервуд [Электронная книга]. — Режим доступа : <http://coollib.net/b/311993>.

10. *Детство, опаленное войной* : сборник воспоминаний детей военного времени подготовлен региональным отделением общероссийской общественной организации «Союз пенсионеров России» по Алтайскому краю. — Барнаул : А.Р.Т., 2007. — 232 с.

11. *Домановский Л. В.* Устные рассказы / Л. В. Домановский // Русский фольклор Великой Отечественной войны / отв. ред. В. Е. Гусев. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — С. 194—239.

12. *Комовская Н. Д.* Народный рассказ Великой Отечественной войны / Н. Д. Комовская // Современный русский фольклор : сборник статей / отв. ред. Э. В. Померанцева. — Москва : Наука, 1966. — С. 153—168.

13. *Мартirosян К. М.* Концепция символического капитала в современной социологии / К. М. Мартirosян // Культура и общество. Философия. Социология. — 2014. — № 4 (55). — С. 35—37.

14. *Миц С. С.* Устные рассказы жителей Малоярославца / С. С. Миц // Русский фольклор Великой Отечественной войны / отв. ред. В. Е. Гусев. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — С. 384—390.

15. *Мое* военное детство : сборник воспоминаний детей войны о войне и мире. — Заринск : [б. и.], 2011. — 236 с.

16. *Моя война* : устные рассказы о Великой Отечественной войне, записанные в сёлах Ульяновской области в конце XX — начале XXI веков / сост. М. П. Черденникова / Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульянов-

ской области имени Н. М. Карамзина. — Ижевск : ИП Пермяков С. А., 2015. — 254 с.

17. *Путилов Б. Н.* Мотив / Б. Н. Путилов // Восточнославянский фольклор : Словарь научной и народной терминологии. — Минск : Наука і тэхніка, 1993. — 478 с.

18. *Пушкарев Л. Н.* Женские фронтовые рассказы (из воспоминаний фольклориста-фронтовика) / Л. Н. Пушкарев // Проблемы женской и гендерной истории. — 2014. — № 1. — С. 3—8.

19. *Разумова И. А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История / И. А. Разумова. — Москва : Индрик, 2001. — 376 с.

20. *Разумова И. А.* Семейные военные рассказы / И. А. Разумова // Фольклор Великой Отечественной войны : сборник научных трудов / под ред. О. Е. Лебедевой и М. В. Строганова. — Тверь : Золотая буква, 2005. — С. 81—89.

21. *Рыков А. В.* Производственная и повседневная жизнь в алтайской деревне в годы Великой Отечественной войны : устная история / А. В. Рыков // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2010 г. : материалы VII региональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию лаборатории исторического краеведения, 25—26 ноября 2010 г. — Барнаул, 2011. — Выпуск 7. — С. 281—288.

22. *Стустя полвека...* : Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / составитель В. Н. Бекетова ; вступ. стат. В. Федоровой. — Курган : Парус-М, 1994. — 95 с.

23. *Теклева Л. А.* Композиция устного народного рассказа периода Великой Отечественной войны как целостная система отображения фронтовой действительности / Л. А. Теклева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. — № 5 (47) : в 2-х ч. — Ч. II. — С. 194—197.

24. *Фурсина Н. О.* Практика устной истории : детские воспоминания о Великой Отечественной войне / Н. О. Фурсина // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. — 2016. — № 1. — С. 280—285.

25. *Чередникова М. П.* От составителя / М. П. Чередникова // Моя война : устные рассказы о Великой Отечественной войне, записанные в селах Ульяновской области в конце XX — начале XXI веков / сост. М. П. Чередникова ; вступ. статья, коммент. М. П. Чередниковой. — Ижевск : ИП Пермяков С. А., 2015. — 254 с.

26. *Чередникова М. П.* Типология повествовательной структуры в меморатах о Великой Отечественной войне / М. П. Чередникова // Сказка и несказочная проза : Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Н. И. Прокофьев. — Москва : Прометей, 1992. — С. 90 — 109.

26. *Щеглова Т. К.* Устная история : Oral history : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 540400.68 (050400) Социально-экономическое образование / Т. К. Щеглова. — Барнаул : АлтГПА, 2011. — 363 с.

27. *Юсупова Л. Н.* Мир крестьянского детства в период Великой Отечественной войны в Карелии : опыт интерпретации «устных» воспоминаний / Л. Н. Юсу-

пова // Народ и власть : исторические источники и методы исследования. — Москва : Знак, 2004. — С. 18—20.

Motif System in Oral Narratives of Rural Population about Starvation in Ulyanovsk Volga Region in 1941—1945¹

© **Matlin Mikhail Gershonovich** (2017), orcid.org/0000-0003-0748-1081, PhD in Philology, research scientist, Department of Organization of Research Studying and Patent Licensing Provide, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia), matlin@mail.ru.

The narratives on starvation in the rear during the Great Patriotic war on the territory of the Ulyanovsk Volga region are analysed. It is shown that they functioned primarily in the family sphere and were the means of transmitting not only life experience, but also family “symbolic capital.” The analysis of 43 oral stories found that they include a number of repeating and persistent motifs of different frequency. Different degree of development of motifs in the narrative is noted. Utterances about starvation typical to such texts which express the attitude of the narrator to events or associate the past experience with the time of telling are highlighted. The example of motivic organization is the analysis of oral story in which the motifs themselves, and some types of relations between them (thematic, associative) are most fully represented. It is shown that in some narratives some of these motifs are combined with references about various household details, descriptions of the experiences of the characters. The conclusion is that the narratives about Great Patriotic war can form complete plot that are separate stories or plot-compositional elements of a complex narrative.

Keywords: oral narrative; narration; motif; Ulyanovsk Volga region; starvation; Great Patriotic war.

Material resources

- Baranova, V. V. 2005. Ustnyye vospominaniya krestyan o voynе. In: O. E. Lebedeva, M. V. Stroganov (eds.) *Folklor Velikoy Otechestvennoy voyny: sbornik nauchnyh trudov*. Tver': Zolotaya bukva. 78—97. (In Russ.).
- Beketova, V. N. (sost.) 1994. *Spustya polveka...: Narodnyye rasskazy o Velikoy Otechestvennoy voynе 1941—1945 gg.* Kurgan: Parus-M. (In Russ.).
- Bogdanov, K. A. 2001. *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike folklornoy deystvitelnosti*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo. (In Russ.).
- Cherednikova M. P. 1992. Tipologiya povestvovatelnoy struktury v memoratakh o Velikoy Otechestvennoy voynе. In: N. I. Prokofyev (ed.) *Skazka i neskazochnaya proza: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnyh trudov*. Moskva: Prometey. 90—109. (In Russ.).
- Cherednikova, M. P. (sost.) 2015. *Moya voyna: ustnyye rasskazy o Velikoy Otechestvennoy voynе, zapisannyye v selakh Ulyanovskoy oblasti v kontse XX — nachale XXI vekov*. Izhevsk: IP Permyakov S. A. (In Russ.).

¹ The study is financially supported by RFBR, grant No. 17-14-73003 a(p).

- Cherednikova, M. P. 2015. Ot sostavitelya. In: *Moya vojna: ustnyye rasskazy o Velikoy Otechestvennoy vojne, zapisannyye v selakh Ulyanovskoy oblasti v kontse XX — nachale XXI vekov*. Izhevsk: IP Permyakov S. A. (In Russ.).
- Detstvo, opalyonnoye voynoy*. Sbornik vospominaniy detey voyennogo vremeni podgotovlen regionalnym otdeleniyem obshcherossiyskoy obshchestvennoy organizatsii «Soyuz pensionerov Rossii» po Altayskomu krayu. 2007. Barnaul: Izdatelstvo «A.R.T». (In Russ.).
- Domanovskiy, L. V, Gusev, V. E. (eds.) 1964. *Ustnyye rasskazy Russkiy folklor Velikoy Otechestvennoy vojny*. Moskva; Leningrad: Nauka. 194—239. (In Russ.).
- Fursina, N. O. 2016. Praktika ustnoy istorii: detskiye vospominaniya o Velikoy Otechestvennoy vojne. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chekhova, 1*: 280—285. (In Russ.).
- Goncharova, A. V. 1972. Ustnyye rasskazy Velikoy Otechestvennoy vojny. In: *Russkaya narodnaya proza. Russkiy folklore, 13. Russkaya narodnaya proza*. Leningrad: Nauka, Leningr. otdeleniye. 122—138. (In Russ.).
- Goncharova, A. V. 1986. Zhanrovyye osobennosti ustnykh memuarnykh rasskazov o Velikoy Otechestvennoy vojne. *Russkaya literature, 1*: 124—137. (In Russ.).
- Goncharova, A. V. 2005. O zhanrovoy spetsifike ustnykh memuarnykh rasskazov Velikoy Otechestvennoy vojny. In: O. E. Lebedeva, M. V. Stroganov. *Folklor Velikoy Otechestvennoy vojny: sbornik nauchnykh trudov*. Tver': Zolotaya bukva. 78—81. (In Russ.).
- Komovskaya, N. D. 1966. Narodnyy rasskaz Velikoy Otechestvennoy vojny. In: E. V. Pomerantseva (ed.) *Sovremennyy russkiy folklor: sbornik statey*. Moskva: Nauka. 153—168. (In Russ.).
- Martirosyan, K. M. 2014. Kontseptsiya simvolicheskogo kapitala v sovremennoy sotsiologii. *Kultura i obshchestvo. Filosofiya. Sotsiologiya, 4 (55)*. 35—37. (In Russ.).
- Mints, S. S. 1964. Ustnyye rasskazy zhiteley Maloyaroslavtsa. In: V. E. Gusev (ed.) *Russkiy folklor Otechestvennoy vojny*. Moskva; Leningrad: Nauka. 384—390. (In Russ.).
- Moye voyennoye detstvo: sbornik vospominaniy detey vojny o vojne i mire*. 2011. Zarinsk: [B. i.]. (In Russ.).
- Pushkarev, L. N. 2014. Zhenskiye frontovyye rasskazy (iz vospominaniy folklorista-frontovika). *Problemy zhenskoy i gendernoy istorii, 1*: 3—8.
- Putilov, B. N. 1993. *Motiv. Vostochnoslavyanskiy folklor: Slovar' nauchnoy i narodnoy terminologii*. Minsk: Navuka i tekhnika. (In Russ.).
- Razumova, I. A. 2001. *Potaennoye znaniye sovremennoy russkoy semyi. Byt. Folklor. Istoriya*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Razumova, I. A. 2005. Semeynyye voyennye rasskazy. In: O. E. Lebedeva, M. V. Stroganov (eds.) *Folklor Velikoy Otechestvennoy vojny: sbornik nauchnykh trudov*. Tver': Zolotaya bukva. 81—89. (In Russ.).
- Rozhkov, A. Yu. (ed.) 2010. *Vtoraya mirovaya vojna v detskikh «ramkakh pamyati»: sbornik nauchnykh statey*. Krasnodar: Ekoinvest. (In Russ.).

- Rykov, A. V. 2011. Proizvodstvennaya i povsednevnyaya zhizn' v altayskoy derevne v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: ustnaya istoriya. In: *Polevyye issledovaniya v Verkhnem Priobye i na Altaye, 2010 g.*: Materialy VII regional'noy nauchno–prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu laboratorii istoricheskogo krayevedeniya, 25—26 noyabrya 2010 g., 7. Barnaul. 281—288. (In Russ.).
- Shcheglova, T. K. 2011. *Ustnaya istoriya: Oral history: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy, obuchayushchikhsya po napravleniyu 540400.68 (050400) Sotsialno-ekonomicheskoye obrazovaniye*. Barnaul: AltGPA. (In Russ.).
- Shervud, V. (ed.) *Deti voyny. Narodnaya kniga pamyati*. Available at: <http://coollib.net/b/311993>. (In Russ.).
- Tekleva, L. A. 2015. Kompozitsiya ustnogo narodnogo rasskaza perioda Velikoy Otechestvennoy voyny kak tselostnaya sistema otobrazheniya frontovoy deystvitel'nosti. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 5 (47): v 2-kh ch., II: 194—197. (In Russ.).
- Yusupova, L. N. 2004. Mir krestyanskogo detstva v period Velikoy Otechestvennoy voyny v Karelii: opyt interpretatsii «ustnykh» vospominaniy. In: *Narod i vlast': istoricheskiye istochniki i metody issledovaniya*. Moskva: Znak. 18—20. (In Russ.).
- Voyevodina, Yu. S. 2010. Pamyat' detey Altayskogo kraya o Velikoy Otechestvennoy voyne po ustnym istochnikam. In: *Vtoraya mirovaya voyna v detskikh «ramkakh pamyati»*. Krasnodar: Traditsiya. 77—92. (In Russ.).
- Voyny krovavyye tsvety, 1979. In: A. V. Goncharova (sost.) *Ustnyye rasskazy o Velikoy Otechestvennoy voyne*. Moskva: Sovremennik. (In Russ.).